

УДК 811.161.1

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
 kafrus@psu.karelia.ru

ОБОСОБЛЕННЫЕ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ ОБОРОТЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

В статье анализируются состав, значения и экспрессивные функции обособленных предложно-падежных оборотов в стихотворных текстах эпохи Ломоносова, Карамзина и Пушкина.

Ключевые слова: обособленная конструкция, предложно-падежная синтагма, поэтический синтаксис

Процесс важных синтаксических изменений в системе падежных форм и отношений, усложнения, перераспределения и дифференциации семантики предлогов, количественного роста предложных показателей активизируется в XVII–XVIII веках. По замечанию В. В. Виноградова, «ускоренный рост отвлеченно-аналитических значений предлогов в русском литературном языке был поддержан и обострен влиянием западноевропейских языков, преимущественно языка французского. Ускорение этого процесса падает на вторую половину XVIII в.» [3; 569]. Качественное и количественное изменение предложной системы – характерный признак развития и углубления новых, аналитических элементов в грамматике русского языка новой и новейшей эпохи: «Падеж, генетически формируясь как категория морфологическая, – отмечает З. К. Тарланов, – в процессе исторического функционирования постепенно втягивается в сферу синтаксиса... На смену падежным формам приходят формы предложно-падежные... Путь этот, однако, не механический, но определяется все разрастающейся падежной семантикой, которая и дифференцируется, конкретизируется посредством предлогов» [14; 178–179].

По нашим наблюдениям, обособленные предложно-падежные конструкции, довольно скудно представленные в поэтических текстах 1740–60-х годов (у Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова), постепенно, но неуклонно расширяют свое функционирование в различных стихотворных жанрах начиная с 1780–90-х годов (в поэзии Державина, Крылова и Карамзина), и этот процесс активизации экспрессивно-стилистического использования предложных конструкций получает дальнейшее развитие в лирике эпохи романтизма (Батюшкова, Жуковского, Глинки, Вяземского, Языкова).

СТРУКТУРА И ДЛИНА ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ОБОРОТОВ

Используемые в качестве обособленных предложно-падежные конструкции в зависимо-

сти от своего состава делятся на две неравнозначные в количественном отношении группы:

1. Обороты с *первообразными* (непроизводными, элементарными) предлогами, не связанными мотивационными отношениями с какими-либо знаменательными частями речи: *в* (+ Пр. п.; + В. п.), *на* (+ Пр. п.; + В. п.), *с(о)* (+ Тв. п.; + Р. п.), *за* (+ Тв. п.; + В. п.), *для* (+ Р. п.), *при* (+ Пр. п.), *под(о)* (+ Тв. п.; + В. п.), *без(о)* (+ Р. п.), *по* (+ Д. п.), *к* (+ Д. п.), *ч(е)рез* (+ В. п.), *п(е)ред(о)* (+ Тв. п.), *от* (+ Р. п.), *над(о)* (+ Тв. п.), *у* (+ Р. п.), *до* (+ Р. п.), *меж(ду)* (+ Тв. п.; + Р. п.), *ради* (+ Р. п.), *из-под* (+ Р. п.);
2. Обороты с *производными* (мотивированными другими частями речи) предлогами:
 - наречные: *в(о)круг* (+ Р. п.), *вдали* (+ Р. п.), *вблизи* (+ Р. п.), *вперед* (+ Р. п.), *внутри* (+ Р. п.), *вдоль* (+ Р. п.), *против* (+ Р. п.), *сквозь* (+ В. п.; + Р. п.), *наперекор* (+ Д. п.), *позади* (+ Р. п.), *после* (+ Р. п.), *посреди* (+ Р. п.); утратившие или утрачивающие адвербиальную мотивированность: *окромя*, *кроме*, *опричь*, *в/наместо* (+ Р. п.), *вопреки* (+ Р. п.; + Д. п.), *среди* (+ Р. п.), *близ* (+ Р. п.), *впротив* (+ Д. п.), *сверх* (+ Р. п.); составные: *в(о)след за* (+ Тв. п.), *вдоль по* (+ Д. п.), *следом за* (+ Тв. п.), *наравне с* (+ Тв. п.), *сродно с* (+ Тв. п.);
 - отыменные: *в силу* (+ Р. п.), *в замену* (+ Р. п.);
 - простые и составные отглагольные: *благодаря* (+ В. п.; + Д. п.) *несмотря на* (+ В. п.).

Общее количество обособленных групп с производными предлогами не превышает 11 %, причем в поэтических текстах XVIII века эта частотность вдвое ниже и охватывает только наречные предлоги (у Ломоносова и Державина).

На протяжении XIX столетия процесс образования адвербиальных показателей постепенно затухает, не возникают новые предлоги и на базе деепричастий. Интенсивно развивающимся остается в литературном языке только тип оты-

менных предлогов [4; 229]. Однако результаты наблюдений над стихотворными текстами 1810–40-х годов свидетельствуют об очень низкой активности субстантивных по происхождению предлогов, одна из причин которой кроется, очевидно, в стилистической окраске этих показателей, более характерных для деловых и научных источников, другая же, видимо, оказывается связанной с версификационными требованиями: предпочитают средства внутритекстовой когезии одно-, реже – двухсложные (та же тенденция и в сфере союзных показателей), а значит, предлоги первообразные и простые наречные, в отличие от составных по преимуществу отыменных и отглагольных. Если ритмометрическая схема диктовала, напротив, необходимость увеличения слогов, использовались удлинённые варианты предлогов: *безо, подо, надо, кроме, наместо, вслед, посреди* и т. п.

В течение XIX столетия постепенно устраиваются колебания в формах сочетаемости предлогов с косвенными падежами имен. Так, *вопреки* и *наперекор* все чаще предпочитают формы дательного падежа, а связи этих предлогов с генитивом начинают восприниматься как устаревшие. В анализируемых текстах на долю дательного падежа при *вопреки* приходится 5 примеров и лишь одна репрезентация с родительным падежом (у Вяземского), продиктованная, видимо, прежде всего выбором рифмы:

Не будем, вопреки природы
И гласу сердца вопреки,
Свои предупреждая годы,
Мы добиваться в старики! (В., 82)

Все обособленные группы с предлогом *наперекор*, обнаруженные в произведениях Дмитриева и Баратынского, включают формы дательного падежа:

Я буду все поэт, тебе *наперекор*! (Дм., 357)

Наперекор судьбе,
Не изменил питомец Фета
Ни музам, ни себе. (Б., 87)

В первые десятилетия XIX века идут на убыль сочетания предлога *благодаря* с винительным падежом, синтагмы, омонимичные деепричастным, уступая место группам с дательным падежом, свидетельствующим об ослаблении связи показателя с производящим и грамматикализации предлога [1; 352]. В стихотворных текстах первой половины прошлого столетия эти варианты еще используются на равных:

Для дальних замыслов моих,
Благодаря богам, теперь имею средства...
(Бат., 176)

От ранних лет я пламень не напрасный
Храню в душе, *благодаря богам*... (Д., 163)

Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видим книг доселе? (П., 283)

Не столько труд тяжел в Нерчинске рудокопу,
Как мне, поймавши мысль, подвесьте ее под стопу
И рифму залучить к перу на острие.

В стихах моих не раз, *ее благодаря*,
Трус Марсом прослышет, Катон – лъстец
царя... (В., 96)

Благодаря богов, с тобой за этим вслед
Друг другу не были мы чужды двадцать лет.
(Б., 202)

Словосочетания с аккузативом, очевидно, могут использоваться и/или восприниматься в качестве каламбуров (игра значениями – прямым, глагольным и грамматикализированным, каузативным). Интересна интерпретация группы *благодаря бога*, широко распространенной в литературном языке XVIII–XIX веков, которую предлагает А. М. Финкель: «Во всех этих сочетаниях слово *благодаря* еще не является предлогом и сохраняет свое исходное лексическое значение. Правда, оно несколько начинает тускнеть в том смысле, что прямого изъявления благодарности по отношению к богу здесь может и не быть: по значению и употреблению оно приближается к современному (да и тогдашнему) *слава богу*. Иными словами, перед нами... вводное слово...» [15; 194].

В одном из стихотворений Н. Языкова встречается употребление предлога *сквозь* в сочетании не с винительным падежом, а с генитивом, воспринимающееся как поэтическая вольность:

С какою радостью она,
Сквозь потемневшего окна,
Глядит на снежную погоду! (Я., 121)

Новые тенденции в развитии предлогов, связанные со стилистической их переоценкой, отражает именной составной показатель *в силу*, вышедший за пределы узкой сферы деловой речи и вытеснивший из литературного обихода образования типа *силою, за силою*:

...в силу строгого с тобою договора,
Имел я благодать нерусского надзора. (Б., 202)

К концу XVIII века выходит из употребления, оставаясь приметой предшествующих эпох языкового развития или будучи оттеснены за пределы литературной сферы, целый ряд предлогов (*опричь, вопреки, кроме* и др.):

Ничем ты вниз не преклонилась,
Опричь твоих безмерных сил. (Лом., 195)

Но чаю, что вы в оной час,
Впротив естественному чину,
Петрову зрели дочь едину... (Лом., 108)

И впрямь: огромность исполина
Кто облечет, *окроме сына*.
Его, и телом и душой? (Дер., 249)
...нет цветов, *окроме крину*... (Дм., 282)

Терпеньем, памятью, они богаты всем,
Окроме разума и вкуса... (Дм., 106)

В источниках первой половины XIX столетия встречаются предлоги, которые будут постепенно оттеснены синонимичными, вариантными (*в замену – взамен, вдали – вдали от, наместо – вместо*):

То молодой судья, *наместо чтенья прав*,
Кропающий экспромт, до полночи не спав...
(Дм., 102)

...одни воспоминания
О заблуждениях страстей,
Наместо славного названья,
Твой друг оставит меж людей... (Л., II, 65)

Вкушает сладкий сон, *в замену горьких слез*!
(Бат., 115)

Пою под чуждым небом,
Вдали домашних лар... (П., 78)

Если в общелитературном обиходе борьба древнерусского *меж* и старославянского *между* завершается в пользу последнего, то исконный вариант активно используется в качестве поэтизма для соблюдения ритмо-метрической схемы и некоторого стилистического «повышения» (ср.: *чрез, пред, вокруг, средь*):

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, *меж чужих гробов*,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов. (Я., 295)

Средняя длина предложно-падежного оборота составляет 2 слова: достаточно часто стержневой компонент обособленной синтагмы расширяется расширителями с атрибутивным или объектным значением. С течением времени количество двух- и трехсловных групп нарастает, увеличивается валентностный потенциал косвенно-падежных форм (максимальная их длина – 7 слов).

Единственная репрезентация подлежащего, входящего в структуру обособленной предложно-падежной группы и тем самым усиливающего ее предикативную самостоятельность, встречается в стихотворении И. Дмитриева начала XIX века:

Тогда возрадуюсь тебе, как Озириду!
Но чтобы, *истинным героям я в обиду*,
Их недостойное исчадие почтил!.. (Дм., 96)

Еще одно архаизировавшееся постепенно в течение первых десятилетий прошлого столетия явление – соединение в рамках сочинительного ряда различных по своему морфологическому оформлению обособленных оборотов. Например:

Пускай, *ударя в звучный щит*
И с видом дерзновенным,
Мне Слава издали грозит... (П., 84)

Здоров, спокоен и на воле,
Попрыгав, пощипав муравки свежей в поле,
Приходит Кроличек домой... (Дм., 215)

В целом поэтическая речь эпохи реформ от Ломоносова до Пушкина демонстрирует в области предложного управления и структуры косвенно-падежных обособленных синтагм очень незначительное количество устаревающих, не отвечающих новым и будущим тенденциям в развитии общелитературного языка явлений.

СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ОБОРОТОВ, ИХ ПОЗИЦИЯ В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Разнообразна и широка до сих пор мало изученная и недостаточно глубоко разъясненная сфера синтаксических отношений, выражаемых предлогами в сочетании с управляемыми косвенно-падежными формами существительных и местоимений. Не одинакова по степени абстрактности/конкретности семантика самих предлогов, одни из которых уже утратили мотивационные связи с теми частями речи, от которых образовались, и оказались грамматикализированными, у других эти смысловые связи являются более живыми, тесными. Первообразные показатели, как правило, многозначны, производные же склонны к моносемии. В любом случае главную роль в конкретизации падежного значения играют грамматическое значение падежной формы, а также лексическое наполнение управляющего и управляемого слов. При этом и сам предлог, по замечанию В. В. Виноградова, «не только поддерживает и усиливает значение падежей, но и дополняет, специализирует, осложняет их в том или другом направлении» [3; 555].

«Количество и семантический диапазон предлогов, закрепляющихся за тем или иным падежом, определяются, – указывает З. К. Тарланов, – его функциональными потенциями, сочетательными возможностями, степенью участия в развертывании высказывания, позицией в системе (периферийность/непериферийность). <...> С другой стороны, в употреблении или неупотреблении предлогов играло свою роль, по-видимому, и своеобразие общей семантики падежей. Не все они были одинаково открыты для свободного функционально-семантического расширения» [14; 179]. К таким функционально «сильным», с замкнутой, «закрытой», трудно

проницаемой семантической структурой падежам в русском языке относятся прежде всего дательный и предложный, что подтверждает и анализ обособленного функционирования существительных с предлогами: с предложным падежом сочетаются только 3 показателя (*при, на, в*), вторую позицию по частотности в употреблении вместе с предлогом занимают дательный, творительный и винительный (соответственно 7, 8 и 9 предлогов, участвующих в управлении данными формами), а наиболее «богатым» с точки зрения предложного окружения оказывается родительный, сопровождаемый как многими элементарными показателями, так и подавляющим большинством производных предлогов. Однако грамматическая семантика обособленного оборота детерминирует иную картину, выявляющую активность самих падежей в обособленном употреблении: с точки зрения этого критерия наиболее частотными оказываются предложный и творительный (поскольку большая часть семантических разрядов осложняющих предложно-падежных групп связана с выражением обстоятельственного значения), средняя активность свойственна родительному и винительному, а минимальная – дательному падежу.

Представленная в свернутом виде предикативно-пропозитивная семантика обособленного оборота задается благодаря различного типа обстоятельственным и атрибутивным значениям предложно-падежных синтагм. Такого рода отношения возникают между двумя ситуациями, выраженными предикатами «первого» (сказуемым) и «второго» (осложняющим компонентом) порядка [12; 130]. Предлоги, помимо выполнения определительной и обуславливающей функций, указывают на модальный план (реальный/ирреальный) «свернутой» пропозиции [7; 90 и след.]. При этом у предлогов, производных от глаголов и темпоральных по значению наречий, добавочная предикативность и пропозиитивность особенно, диахронически, подчеркнута (см.: [16], [17]).

Представленные в древнерусских памятниках логически выделенные (обособленные) обстоятельства имели, как правило, локальное или темпоральное значение [13; 123]. Со временем спектр выражаемых предложно-падежными оборотами отношений существенно расширяется. Процесс этого семантического обогащения продолжается и в течение XVIII – первой половины XIX века.

1. Наиболее продуктивной среди предложно-падежных обособлений группой являются атрибутивные (с характеризующей лицо, предмет функцией), содействующие расширению и углублению признакового поля поэтического дискурса:

...и Нимфы гор при месячном сиянии,
Как тени легкие, в прозрачном одеянии,
С Сильванами сойдут услышать голос мой.
(Бат., 104)

Я в сладкой неге чувств, с открытою душой,
Без страха, все забыв, стояла пред тобой...
(Ж., 45)

В выражении определительных отношений участвуют главным образом предлоги *в(о)* (+ Пр. п.) и *с(о)* (+ Тв. п.). Как указывает В. В. Виноградов, «в предлоге *с(со)* в сочетании с творительным падежом значение образа действия – или значение характеризующего определения... особенно широко развивается под влиянием западноевропейских языков (ср. немецкий предлог *mit*, французский *avec*)» [3; 570].

2. Не менее важную роль в организации поэтической «картины мира» играют обособленные предложно-падежные обороты со значением обстановки (экспозиции, состояния), передающие цвета, тени, звуки и запахи окружающей среды:

Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирных цевницы,
Сзывать пастушек в хоровод! (Бат., 154)

В деревне ты живешь, спокойный друг природы,
Среди кудрявых роц, под сению свободы!
(В., 39)

При выражении этой функции синонимичными оказываются предлоги *в, среди, под, при, за, меж*.

3. Достаточно широко распространены в стихотворных текстах обособленные группы со значением места, направления и уточняюще-пространственной семантикой и предлогами *в, на, у, близ, над, под, к*:

...орлю дерзость, гордость лунну,
У черных и янтарных волн,
Смирил Колхиду златорунну... (Дер., 111)

...и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ Севера столицы,
Шепнешь в слух страннику, в дали как тихий
гром:
«Здесь бога жил певец, Фелицы». (Дер., 279)

4. Отношения темпоральные и поясняюще-временные предложно-падежными оборотами выражаются не столь часто, как локальные, и не столь тонко дифференцированы:

Российско солнце на восходе,
В сей общевожделенный день,
Прогнало в ревностном народе
И ночи и печали тень. (Лом., 133)

В выражении локальной и темпоральной семантики, в силу многозначности и широких синонимических связей первообразных предлогов,

наряду с показателями важную роль играет лексическая семантика сопровождаемых ими существительных.

5. Среди оборотов с отношениями обусловленности преобладают каузативные (1) и целевые (2):

(1) Но горе, горе тем, на коих Эвмениды,
За преступленья их отцов,
Наслали фурию стихов! (Ж., 235)

Ты право получил, *благодаря судьбе,*
Смеяться весело над злобою ревнивой...
(П., 266)

Все это, *смертным в удивленье,*
По свету возят напоказ... (Ж., 72)

Или, *для развлечения,*
Оставя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек... (П., 71)

6. В выражении логических отношений между частями текста участвуют также предложно-падежные обороты со значениями условия (1), уступки (2), результативно-следственным (3):

(1) То подлый стиховраль, в котором, *без рожденья*
Иль смерти богача, нет силы воображенья...
(Дм., 102)

(2) Как смел, Сибиряков, ты, *вопреки судьбе,*
Опутавшей тебя веригами насилия... (В., 98)

Машина хитрая; ума произведенья,
Но, *несмотря на то,* загадка для него!.. (К., 244)

На счастье русских стиходеев,
Не русским языком сей автор воспевал...
(Ж., 115)

Будешь иметь детей незаконных, не признанных ею,
Светом отверженных, жалких, *тебе самому в посрамленье.* (Ж., 292)

Результативно-следственное, финально-оценочное значение чаще всего выражается предлогами *в* и *на* в сочетании с формой винительного падежа отвлеченных существительных.

7. Качественное значение (образа действия – 1) тесно взаимодействует в поэтических текстах с комитативным (совместного действия – 2) и количественным (меры и степени – 3):

(1) И небо верной сей рабе,
Без раздробляющего звуку,
Крепит благословенну руку. (Лом., 171)

Пусть грянет на меня, не медля,

Божий гнев, коль скоро уязвлю, *в словах или на лире,*

Хотя единожды честного мужа в мире!
(Дм., 109)

(2) И светская тогда жена
Могла без опасенья,
С домашним другом иль одна,
И на качелях быть в день светла воскресенья... (Дм., 176)

«Отношения сопровождения, – замечает В. В. Виноградов, – в русском литературном языке осложняются все более отвлеченными представлениями. На их основе развиваются значения внутреннего участия, органической связи, внутреннего обладания, средства, причинного соотношения, сопутствующего условия» [3; 562].

(3) И кто, бесчувственный, среди твоих красот
Не жаждал в их раю обрести навес иль грот,
Где б скрылся, *не на час,* как эти полубоги...
(Б., 204)

Ты силою кабриолета
Затеял; *в миг один,* весь план его взорвать!..
(Ж., 254)

8. Сопоставительно-выделительные (расширительно-ограничительные [6], включения, исключения, замещения) отношения выражаются оборотами с предлогами *(о)кроме, в/наместо, oprичь:*

Все, все берет она у нас обманом
И не дарит нам ничего – *кроме рожденья!*..
(Л., I, 106)

9. Собственно пояснительное значение присуще небольшому числу предложно-падежных синтагм:

...весь народ,
От мала до велика,
Толпами приваля на двор,
Кричит, составя хор... (Дм., 171)

Восстал, воззрел – и вся Природа,
От звезд лазоревого свода
До недр земных, морских пучин,
Пред ним в изящности явилась... (К., 215)

Несмотря на то что предлоги способствуют уточнению падежной семантики, семантика предложно-падежных оборотов нередко оказывается синкретичной, недифференцированной, осложненной в результате совмещения нескольких оттенков. Эта нечеткость, диффузность обусловлена, очевидно, не только спецификой «переусложненного» смысловыми и структурными взаимосвязями поэтического дискурса (в рам-

ках «тесноты стихового ряда», по Ю. Тынянову), но и самой историей формирования логических отношений того или иного типа. Так, «на основе переосмысления пространственных отношений складываются разнообразные обозначения внутренних отношений пребывания в каком-нибудь состоянии, в каких-нибудь условиях... внутренней близости и внутренней связи предметов и признаков, предлогов качества, цели, причины и т. п. <...> Временные значения совмещаются с пространственными и развиваются на их основе. <...> Часть простых неизменяемых предлогов... совмещает причинные значения с пространственными и временными. Таков и был один путь развития понятия причинной связи. Другая часть предлогов, выражающих причинные отношения, совмещает причинные значения со значениями цели, назначения...» [3; 562–564].

ПОЭТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ОБОРОТОВ

«Косвенный падеж существительного, – отмечает Э. И. Коротаева, – по сравнению с деепричастием, причастием и прилагательным обособляется сравнительно редко» [9; 121]. Подобное выделение предложно-падежной формы факкультативно с точки зрения структуры предложения, не требующей интонационного отчленения слабоуправляемого компонента, но выполняет важную коммуникативную функцию, акцентируя какую-либо часть высказывания, сосредоточивая на ней большее внимание адресата. «Обособление этого рода иногда называют “авторским”, то есть субъективным. Действительно, оно как будто не имеет объективных причин. <...> Говорящий здесь в значительной степени свободен, он может быть склонен или не склонен к такого рода обособлениям», – пишет А. Ф. Прияткина [12; 153–154]. Обособление в этом случае детерминруется прежде всего авторской интенцией, желанием подчеркнуть, усилить какой-либо фрагмент текстового пространства, оказать читателю помощь в дешифровке высказывания.

Максимально активными в рамках стихотворных жанров оказываются обособленные предложно-падежные синтагмы с атрибутивной функцией, участвующие в описании героев (лирических субъекта и адресата, но чаще – третьего лица или предмета):

Она, с болезненным румянцем на щеках,
Она, которой нет, мелькнула предо мною.
(Б., 168)

Старик, развеселясь,
За дедовскою кружкой
В прошедшем углубясь,
С очаковской медалью
На раненой груди,
Вспомнит ту баталью... (П., 72)

Наиболее частый случай – создание ситуации наблюдения, описание внешности, введение портретных характеристик персонажа, но нередко предложно-падежные обороты помогают передать внутреннее состояние, чувства и мысли субъекта, максимально обобщенно или в конкретный момент времени:

...весь сей мир приветствует его,
В восторге и любви, единою улыбкой... (К., 58)

Одну, в задумчивости томной,
Тебя я вижу пред собой... (П., 116)

Другая важная функция предложно-падежных групп – создание эффекта присутствия субъекта и адресата во внешнем пространстве, описание его примет (краски, запахи, звуки мира):

Вдали, в мерцании багряном,
Он зрит... но мы еще не зрим. (К., 140)

Среди гробов, опустошенья,
Безмолвия, оцепененья –
С кровавым, дерзостным челом
Насилие торжествовало... (К., 302–303)

Обороты с пространственной и временной семантикой участвуют в создании хронотопа стихотворного произведения. Указание пространственных примет, как и описание состояния героя, образа окружающего мира, часто оказываются знаками, характерными для жанра, школы, направления. Так, с помощью обособленных предложно-падежных групп развивается традиционная для элегий и посланий эпохи сентиментализма и романтизма тема – «похвала отъединенной от мира... созерцательной жизни... <...> Образ скромного философа, вдали от мира, в бедной хижине наслаждающегося поэзией, дружбой и любовью, был общим местом элегии и послания» [11; 88]. Введение реалий обстановки, примет условной поэтической ситуации (каких-либо конкретных деталей экспозиции), описание характерного для элегии и послания топоса предопределяют преобладание оборотов с экспозиционным и локальным значениями над темпоральными (обобщенность лирического события ослабляет необходимость точного указания его времени; образ времени может создаваться пейзажными – прежде всего пространственными – зарисовками, поэтому сема *там*, *здесь* (где?) оказывается более релевантной для лирики, чем *тогда*, *сейчас* (когда?); *где* живописнее, образнее, чем *когда*):

...ан, при луне, вдоль рощи осребренной,
Идет задумчивый... (Ж., 82)

Я часто сам, мой друг, в волшебном сне
Считаюсь в сей прелестной стороне,
Под тенью мирт, склонившихся на воды...

Если в оде предметность носила во многом формульный и условно-иносказательный характер, сентименталистское и романтическое послание оказывается более насыщенным бытовыми деталями, конкретными предметами «(особенно в лирике Пушкина, уже устремившегося по дороге к реализму изображения), правда, еще в виде устойчивого и не слишком широкого круга “сигналов” “сладостного уединения”» [2; 40]:

Спокойный домосед, в моей безвестной хате,
Укрывшись от толпы взыскательных судей,
В кругу друзей, в кругу семьи своей,
Я буду издали глядеть на бури света. (Б., 76)

Далеко от людей, в лесу, в уединеньи,
Построю домик для тебя,
Для нас двоих, над тихой рекою
Забвения всего, но только не любви... (К., 210)

Локативные предложно-падежные обороты могут быть связаны также с эсхатологической проблематикой, насыщая текст богатым мифопоэтическим аллюзийным ореолом:

В садах Элизия, у вод счастливой Леты,
Где благоденствуют отжившие поэты,
О Душенькин поэт, прими мои стихи! (Б., 117)

Твой легкий шорох в чуткой сени,
Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия, –
Зачем тогда, в венке из роз,
К теням не отбыл я! (Д., 104)

Там, быть может, в горном клире,
Звучен будет голос твой! (Б., 198)

Темпоральные по значению предложно-падежные обороты чаще всего определяют временные рамки, связанные с биографией субъекта, событиями личной жизни:

И я, на утре дней, в сих рощах и лугах
Минуты радости вкусила... (Бат., 112)

Пиит, от юности до серебряных волос,
Лелеет в памяти страну своих отцов. (Бат., 187)

Интересно уходящее своими корнями в мифопоэтическую картину мира тесное переплетение пространственных и временных представлений, выражаемых предложно-падежными оборотами (ср.: *дорога жизни, жизненный путь* и т. д. – о времени и о пространстве):

Рука с рукой, Веселье, Горе
Пошли *дорогой бытия*...
Недолго розно побродили,
Чрез день сошлись – в *конце пути*! (Б., 127)

И номинация, и уточнение времени/места события оказываются условными, обобщенными и только благодаря вызываемым у читателя ассоциациям создают образ пространства/времени, или, точнее говоря, «образ восприятия» [8; 25] мира, применяются, как и дейктические элементы типа *здесь* и *сейчас*, «к неопределенно длящемуся времени и к неопределенно ощущаемому пространству» [8; 27]. В местоименных же наречиях, уточняемых оборотами, «приглушается значение “внутреннего жеста” и появляется значение имени, условно называющего некоторое известное автору, но неизвестное читателю» [8; 38] место или время лирического события, так что создается только иллюзия их непосредственного наблюдения, восприятия в момент поэтической коммуникации:

Поверишь ли? Я *здесь*, на *пепле храмин сих*,
Венок веселия слагаю... (Бат., 196)

Ужели *там*, на *ратном поле*,
Судил мне рок сном вечным спать? (Бат., 107)

В вечернее время, в *час первого сна*,
Как блещет туман среди долин,
На месте, где прежде бывала она,
Брожу беспокоен, один. (Л., 1, 156)

В пещере тайной, в *день гоненья*,
Читал я сладостный Коран... (П., 376)

Наряду с местоимениями и местоименными наречиями предлоги составляют сопутствующее лирической коммуникации и описываемой в стихотворении ситуации внешнего мира дейктическое пространство, «элементы которого в каждом конкретном случае заполняют прагматические перемены “я – здесь – сейчас”» [18; 39], помогая автору фокусировать внимание читателя на каких-либо элементах события, регулируя угол зрения и меру условности, обобщенности изображаемого.

Как и другие типы обособленных групп, предложно-падежные синтагмы содействуют обогащению художественного текста различного типа тропами (1), чаще всего метафорой, а также часто создают фигуру повтора (2), параллелизма, в результате которого предложение обогащается одновременно несколькими (однотипными или разнотипными по значению) оборотами:

(1) Едва и сам я в *летах нежных*,
Во *цвете радостной весны*,
Не кончил дней в водах *мятежных*
Твоей, о Волга! *глубины*. (К., 120)

Рви их, любимец богов, и сплетай из них
русским камням
Неувядаемые, в *Хроновом царстве*, венки.
(Д., 137)

(2) Там он, *под сенью древ душистых,*
Там он, *под шумом вод серебристых,*
С любезною своей в восторге дни ведет...
(К., 173)

И вздохи страстные, и силы милых слов
Меня из области печали –
От Орковых полей, от Леты берегов –
Для сладострастия призвали. (Бат., 79)

Обладая широкой сферой жанрово-стилистического функционирования, предложно-падежные обороты между тем используются и в целях стилизации (фольклорной, деловой):

И молодость мою поканчивал гульливо
Я в белокаменной Москве,
У Красных у ворот, в республике, привольной
Науке, сердцу и уму... (Я., 372)

Молодцов любезных шайка
Станет в круг, *середь двора...* (Я., 254)

...«Их законом, –
Он утверждал, – введен в владение наш род
Бесспорно этим домом,
Который Кроликом Софроном
Отказан, справлен был за сына своего
Ивана Кролика; по смерти же его
Достался, *в силу права*¹,
Тож сыну, именно мне, Кролику Петру...
(Дм., 216)

В расположении предложно-падежных групп внутри строки и строфы прослеживается отчетливая тенденция к локализации в конце стиха или к совпадению границ оборота со стихом.

Предложно-падежные синтагмы осложняют заглавные синтаксемы: «Первые трофеи Иоанна III, *чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года в Финляндии*», «Надпись на илминацию перед летним домом императрицы Еласаветы Петровны, *в день тезоименитства ее, 1747 году*», «Надпись на день рождения ее величества, где оное восхощей заре уподобляется, *во время торжественного въезду Петра Великого от Полтавы*» и «Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, в 1761 году» М. Ломоносова, «На гробы рода Державиных в Казанской губернии и уезде, *в селе Егорьеве*» Г. Державина, «Луизе в день ее рождения 13 генваря, *при вручении ей подарка*» и «Хор и куплеты, петье в Марьфинской роще друзьями почтенного хозяина, *в день именин его*» Н. Карамзина, «На спуск Стефанием трех шатров, *в присутствии трех*

знатных особ» и «Стихи графу Суворову-Рымникскому, *на случай* покорения Варшавы» И. Дмитриева, «Тургеневу, *в ответ на его письмо*», «К Тургеневу, *в ответ на стихи*, присланные им вместо письма» и «Д. В. Давыдову, *при посылке издания “Для немногих”*» В. Жуковского, «Княгине З. А. Волконской, *при посылке ей поэмы “Цыганы”*» и «В. С. Филимонову, *при получении поэмы его “Дурацкий колпак”*» А. Пушкина, «Послание к Жуковскому из Москвы, *в конце 1812 года*» П. Вяземского, «Языкову А. М., *при посвящении ему тетради стихов моих*» и «Баян к русскому воину при Дмитрие Донском, *прежде знаменитого сражения при Непрядве*» Н. Языкова. Предложно-падежные группы в позиции заглавия уточняют либо время художественного события или создания стихотворения, либо повод, обстоятельства, связанные с написанием произведения.

Активность тех или иных семантических разрядов предложно-падежных оборотов характеризует «нормы» и общеполитические для данной эпохи, и индивидуально-авторские. Так, для поэтов сентименталистского и романтического направлений в целом преобладающим оказывается атрибутивный тип оборотов. Для поэтов, в лирике которых важное место принадлежит пейзажу, стихии изображения, характерны обороты со значением экспозиции, состояния окружающего мира, как и синтагмы с пространственной семантикой (Державин, Карамзин, Жуковский, Пушкин). Обороты со значением обусловленности, передающие логические связи внутри текста, более характерны для Ломоносова, Дмитриева, Вяземского и Баратынского. В поэзии Батюшкова, Баратынского и Языкова часто используются обособленные группы со значением места и уточняюще-пространственным. Темпоральные синтагмы наиболее активны в лирике Вяземского и Языкова.

Итак, обособленные предложно-падежные обороты, позволяющие художникам слова передать тонкие оттенки смысла, подчеркнуть важные детали, сообщить дополнительные сведения, характеристики, углубляющие содержание высказывания и всего текста в целом, являются одним из основных средств формирования пространственно-временного континуума в лирическом дискурсе. Вкрапление в художественную ткань синтагм со значением уточнения, пояснения связано с учетом, прогнозированием читательской реакции в процессе дешифровки поэтического высказывания. Обособление, часто факультативное, предложно-падежных форм увеличивает, актуализирует их смысловую и экспрессивную нагрузку.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Предлог в этом обороте сохраняет черты узкоспециального употребления в деловых документах (значение «на основании» было преобладающим в языке XVIII века, тогда как ко второй половине XIX столетия предлог *в силу* приобрел отчетливое собственно причинное значение) [15, 149–153].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И ИСТОЧНИКОВ

- Б. – Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1989. 462 с.
Бат. – Батюшков К. Н. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 354 с.
В. – Вяземский П. А. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1982. 462 с.
Д. – Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. 369 с.
Дер. – Державин Г. Р. Сочинения. М.: Правда, 1985. 575 с.
Дм. – Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. 502 с.
Ж. – Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.; Л.: Худ. лит., 1959. 480 с.
К. – Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 424 с.
Л., I. – Лермонтов М. Ю. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1989. 687 с.
Л., II. – Лермонтов М. Ю. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Т. 2. Л.: Сов. писатель, 1989. 686 с.
П. – Пушкин А. С. Соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1985. 735 с.
Я. – Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 706 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: фонетика, морфология, ударение, синтаксис. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.
2. Валимова Г. В. Деепричастные конструкции в современном русском языке // Ученые записки Ростовского н/Д гос. пед. ин-та. 1940. Т. 2. С. 77–103.
3. Виноградов В. В. Пушкин и русский литературный язык XIX века // Пушкин – родоначальник новой русской литературы / АН СССР. М.; Л., 1941. С. 543–605.
4. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1964. 320 с.
5. Ильминская Н. И. Наблюдения над позицией несогласованных обособленных определений // Труды молодых ученых: материалы межвуз. конф. / Саратовский гос. ун-т. Саратов, 1964. С. 165–173.
6. Камынина А. А. О двух функциях аппозиции в простом предложении современного русского языка // Вопросы русского языкознания: сб. ст. / МГУ. М., 1980. Вып. 9. С. 13–30.
7. Камынина А. А. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М.: Изд-во МГУ, 1983. 102 с.
8. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
9. Коротаева Э. И. Обособление члена предложения, выраженного косвенным падежом существительного // Ученые записки ЛГУ. 1959. Т. 277. С. 60–69.
10. Максимов Л. Ю. Обособление присустановительных косвенных падежей существительных // Русский язык в школе. 1962. № 5. С. 23–29.
11. Мальчукова Т. Г. Жанр послания в лирике Пушкина. Петрозаводск: РИО ПетрГУ, 1987. 92 с.
12. Прияткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
13. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1977. 352 с.
14. Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилологии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 207 с.
15. Финкель А. М. Производные причинные предлоги в современном русском литературном языке. Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1962. 238 с.
16. Фурашов В. И., Чернышева М. М. Субъективная модальность и обособление // Русский язык в школе. 1983. № 1. С. 68–75.
17. Фурашов В. И. К проблеме происхождения дополнений // Русский язык в школе. 1985. № 1. С. 81–86.
18. Шмелева Т. В. О соотношении имени и дейксиса // Русский язык конца XX века: Тез. докл. Воронеж, 1998. С. 39–40.